

И.С. Хугаев

ПРЕАМУЛА

Цицерон говорил, что относится скептически к ораторам, которые не выражают в начале своей речи должного замешательства [1, с. 18]. Меня бы он уже не упрекнул в таком недостатке; и этот недостаток в значительной мере объясняется психологией современного гуманитария, филолога и литературоведа.

Я озвучу несколько тезисов и пассажей, которые могут показаться разрозненными, зато я буду говорить об очевидном. Гуманитарии всегда говорят об очевидном. И потому-то их не всегда слушают.

Гуманитарий отодвинут, оттеснен на периферию; а мы, северокавказские гуманитарии, таким образом, дважды маргиналы: как в плане идейного пространства, так и географически.

Эта дважды маргинальная позиция и определит логику моих рефлексий.

1.

В чем заключается для гуманитария, для филолога и литературоведа характернейшая особенность современности? Прежде всего – в технологических приоритетах эпохи в ущерб гуманитарному содержанию.

Все признают, что это нездоровое положение вещей; и все же постепенно формируется убеждение, что культура, искусство и литература – достаточно отвлеченные вещи, и, стало быть, о них вполне достаточно говорить отвлеченно.

К сожалению или к счастью, культуру нельзя перевести на хозрасчет. Разве что мы превратим научные центры, школы и библиотеки в кооперативы (и, кажется, к этому дело и идет).

Не удивительно ли, что у государственного Северо-Осетинского книжного издательства «Ир» нет даже своего магазина и сочинения наших писателей продаются на улице, в буквальном смысле с лотка?

2.

Гуманитарии бьют тревогу – власть участливо кивает, аудитория аплодирует. Современный

Филологическая рефлексия эпохи технологий (маргинальные пассажи)*

И.С. Хугаев**

гуманитарий похож на клоуна из известной притчи Кьеркегора, который, когда в театре начался пожар, бросился немедленно объявить об этом публике. Естественно, что все приняли это за шутку и стали аплодировать. «Я думаю, – заключает Кьеркегор, – что мир погибнет под всеобщие аплодисменты» [2, с. 247].

Но делать нечего: кто-нибудь должен быть и клоуном. Необходимо – по Ремарку – и мужество, чтобы быть смешным [3, с. 27].

3.

Насколько отвлеченной представляется технократу гуманитарная сфера знания, настолько для гуманитария абстрактны современные реформаторские лозунги.

Объявленный Президентом Медведевым курс на модернизацию обречен потерпеть фиаско, если под стратегию модернизации не будет подведена прочная культурная, нравственная основа. Это древняя дилемма; уже на заре истории Христос вопрошал: «...что пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Марка, 8, с. 36). А в XX веке восклицал Вознесенский: «Все прогрессы реакционны, если рухнет человек!» [4, с. 411]. И все модернизации реакционны, если разворачивается душа.

Все мы бросаемся покорять мир, забывая душу.

Строго говоря, гонка демократий, технологий и модернизаций ничем не лучше гонки вооружений.

Кажется, мы снова хотим кому-то что-то доказывать, на кого-то быть похожими, кого-то догонять и перегонять. Между тем, гуманитарному разуму очевидно, что тот, кто живет по законам совести, никогда не станет кого-либо догонять. «Если мы, – пишет Аслан Галазов, – наряду с нанотехнологиями и инновациями поставим себе целью воспитание культурного, нравственного человека», – то Россия тем самым уже окажется «в роли ведущего» [5, с. 177].

* Доклад на заседании Президиума ВНИЦ РАН и РСО-А 8 февраля 2012 г.

** Хугаев И.С. – доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела культурной антропологии южных осетин ВНИЦ.

Так называемые комплексные подходы к большим эпохальным вопросам очень хороши, но на мой гуманитарный вкус часто отдают демагогией. На мой наивный гуманитарный взгляд, достаточно было бы вырастить и воспитать два-три поколения хороших детей – и они сами легко и непринужденно модернизировали бы Россию самым должным образом.

4.

Культура, искусство, литература – ключ от всех дверей. Тот самый камень, который должен быть положен во главу угла и который снова отвергается строителями. Перекос в сторону прикладных наук, выдающих на гора все новые и новые технологии, как максимум чреват серьезными несчастьями, как минимум вообще ничем не чреват, то есть бессмыслен. Этому учит и научная фантастика, и в этом смысле она является едва ли не самым реалистичным литературным жанром.

Солоухин писал: «Наука может уничтожить гору Эверест или даже ликвидировать Луну, но она не может сделать добрее человеческое сердце. Это может только искусство» [6, с. 91].

Скажут: что такое доброе сердце? Зачем доброе сердце?

Но ведь очевидно, что если два путника идут навстречу друг другу по пустынной ночной дороге, то оба, заметив друг друга, мысленно говорят себе: «Хорошо бы, если бы это оказался добрый человек». Прежде всего мы хотим, сами того не сознавая, встретить не образованного, не умного, не красивого, не богатого, а именно доброго человека.

Формирующееся планетарное сознание задается вопросом: что, если мы, так ревностно ища другую разумную душу во вселенной, обретаем коварного и всесильно врага? Какое соображение может служить основанием для веры в то, что высшая цивилизация не придет к нам с оружием? Гуманитарий верит, что никакая наука не поднимется до таких высот, чтобы найти во вселенной другую цивилизацию, не имея под собой твердой культурной и нравственной основы.

Природа мира такова, что разум, свободный от этических ограничений, ограничен. Разум, ограниченный этическими соображениями, безграничен.

Наука – этимологически – «навык», «привычка». Наука – всего лишь навык, умение; если навык не оплодотворен сознательной доброй волей, не облагорожен напряженным культурным бдением, то и самые низкие и постыдные привычки и пристрастия могут быть доведены до своего логического апофеоза и возведены в ранг науки.

5.

Академик В.А. Легасов утверждал, что люди, запустившие в космос Гагарина, стояли «на пле-

чах Толстого и Достоевского» [7, с. 48]. Вот он – подлинно реалистический взгляд на вопрос. И отсюда видно, что на самом деле культура, язык, искусство и литература принадлежат к числу устаревающих, высших, базовых «технологий».

Именно спад культурного напряжения в человечестве грозит глобальной техногенной катастрофой. Самое короткое замыкание в цепи культурного тока – как сбой механизмов культурной преемственности – способно ввергнуть мир в хаос. Сегодня это особенно актуально. Не зря К. Леви-Стросс предупреждал нас в прошлом столетии: «XIX век будет веком гуманитарных наук – либо его не будет вовсе» [8].

На чем зиждется наш оптимизм? Не столько на вере в нанотехнологии, сколько на древних символах культуры. Что питает наше вдохновение? Не столько открытия точных наук (наши чувства к ним безразличны), сколько прозрения духа.

Есть такие духовные открытия, гуманитарные формулы и уравнения, которые сопоставимы по точности с биномом Ньютона. «Мудрость – это ум, настоящий на совести (...), – говорит Фазиль Искандер. – Совесть – это разум души» [9:26]. «Разве можно дом ломать? – спрашивает Дзахо Гатуев. – Ведь его строили!» [10, с. 75].

6.

Существует много определений понятия культуры. Многие из них, при всей их корректности, так или иначе упускают из виду этимологический аспект: «культура» восходит к понятию «культ» («почитание», «поклонение»); а в понятии «культура» присутствует уже некое отношение к земледелию и воспитанию, возвращению. Подобно тому, как крестьянин возделывает землю, культура (культурный человек) возделывает бытие.

Культура есть возделывание бытия в соответствии с культом, с представлением о высоком, должном, совершенном, именно превращение хаоса в космос. Это возделывание бытия культурой имеет место не только в ее доступном, самом тонком уровне и только в ее доступной всеохватности и полноте. Даже ноосфера Вернадского – это только часть культосферы.

Именно поэтому к сфере гуманитарных наук, возделывающих, в свою очередь, окультуренное бытие и отодвигающих от нас границы хаоса, следует относиться как к фундаментальным наукам.

7.

Сказанное здесь о гуманитарных науках в целом применительно к филологии наполняется ясным логическим смыслом. Все мы так или иначе филологи; все мы так или иначе пользуемся языковыми «технологиями».

«В начале было слово»: филология (как любовь к слову) есть орган и знак причастности

каждого человека к началу мира, к его праоснове, объект почти мистического благоговения, о котором говорил В.И. Абаев [11, с. 67].

Если филология совершенно лишена прикладного значения, то это только лишний раз указывает на то, что ее предметом является невидимая сущность, тончайший аспект бытия; филология незаметна и неощутима, как лежащий в основе мироздания эфир древних философов.

Впрочем, признание фундаментальности филологического образования налицо в образовательных стандартах, как минимум декларируемых; но так же налицо и методичная профанация и дискредитация филологических наук.

В результате – много ученых, но мало знающих.

8.

Чему же учит филология? В современном мире, раздираемом противоречиями, актуально то, что служит единению народа и единению народов. Что же такое в данном отношении язык?

Формально и строго говоря, язык начинается там, где двое понимают друг друга, – и заканчивается там, где их не понимает третий. Ибо смысл языка не только в том, чтобы двое понимали друг друга, но и в том, чтобы их не понимал третий.

Нет ли здесь противоречия? Может быть, язык по природе реакционен? Нет, ибо очевидно, что третий своим непониманием уже вполне участвует в процессе языкового генезиса: другой язык необходим для развития своего языка.

Как самосознание индивида формируется благодаря Другому, так и самосознание народной личности формируется благодаря другой народной личности и другой культуре: «Я» не существует без «Ты» и «Он». Вместе с языковой морфологией рушится не только картина мира, но и самый мировой порядок.

В таком контексте даже война между народами содержит некий гуманистический аспект; она служит средством к достижению мира, а не поводом к новым войнам; она подобна металлосварке: в адском пламени и дыму формируется прочный вековой шов между двумя народными телами. Современные войны производят совсем другое впечатление – не потому ли, что политическое сознание абстрагировано от этнической культуры ради технологий? Если война есть продолжение политики (и мы с этим смирились), то прежде политика должна быть продолжением культуры.

Таким образом, язык формирует первичную общность, закладывает основы общности первого порядка с тем, чтобы сделать в дальнейшем возможным упорядоченное, органическое общение больших человеческих групп, которые благодаря языку обладают личностными характеристиками.

9.

То же самое относится к литературе, уже потому, что литература есть только новый этап языкотворчества – языкотворчества в условиях письменной культуры.

Как язык занимает главное место среди других концептов этнической культуры, так литература занимает важнейшее положение среди других видов искусства. Когда мы хотим охватить разом всю парадигму видов художественной деятельности человека, мы говорим не «музыка и искусство», не «живопись и искусство», но именно «литература и искусство».

Почему это так? Потому что только литература имеет своим материалом язык, слово, собственно вербальную основу и сочетает образное мышление с логическим (заложенным уже в языковой грамматике). Литература – это и мысль, и чувство, и проповедь, и исповедь, и мусическое, и пластическое, и рациональное, и иррациональное: ни в одном искусстве не встречаются в такой полноте и таком блеске все творческие, духовные потенции человека.

Поэтому история мировой литературы – это духовная, сущностная история человечества, отражающая беспрестанную работу по сохранению мира и человека, молитву о спасении души и свободы. Мировая литература – это Библия, написанная человеком, это Человеческое Писание, ответ на Писание Божественное.

10.

Это, впрочем, может быть, абстрактно, метафизично. Тогда вернемся к литературной «физике». Почему литература не должна разделять?

Литература, как и все в этом мире, и как и самый этот мир, возникает из точки; но и точка возникает только как момент пересечения неких двух функций. Соответственно, литература, как утверждает историческая поэтика, зарождается из взаимодействия как минимум двух источников, на границе двух культурных сфер, и своим телом уже упраздняет границу между культурами.

В этом смысле литература подобна самому человеку и в наибольшей степени – человеческому дитя. И точно так же, как любое человеческое дитя, литература не может не плакать при своем рождении.

Герцен писал, что «грусть, скептицизм, ирония» были в свое время главными струнами русской литературы [12:330]. И осетинская начинается с грусти и плача, ибо мы знаем, что «Афхардты Хасана» Александра Кубалова и «Ирон фандыр» Коста Хетагурова – плач по преимуществу.

О чем же она плачет?

Конечно, не критический реализм заставляет ее лить слезы (откуда взяться критическому

реализму у дитя?), но смутное и горькое чувство обиды, обоснованный страх перед вечной тайной жизни, сознание разлученности с Идеалом, тоска по Совершенству, Справедливости и Истине.

11.

В любой национальной литературе можно выделить ее самобытное семантическое ядро, которое образуют спонтанные структуры национального литературно-художественного мышления.

Что парадоксально, они носят глубоко национальный характер, но в то же время и глубоко гуманистический характер; не будучи враждебны никому и ничему, кроме порока, они-то и обретают свои эквиваленты в идейной парадигматике других национальных литератур. А что касается периферических, случайных смыслов и смысловых полутонов и сомнительных изысков и экспериментов, то они как раз менее доступны инациональному восприятию и, соответственно, сложнее поддаются литературному переводу на другие языки.

Что может быть более национальным, чем осетинский Нартовский эпос? – но очевидно, что этот эпос является наиболее популярным и востребованным во всем мире текстом осетинской культуры.

Литература, как ничто другое, подтверждает правоту В.И. Абаева, утверждавшего, что национальное не противоречит интернациональному, что «путь к общечеловеческому лежит через национальное» [13, с. 550].

Более того: национальное уже содержит в себе интернациональное; подлинно национальное и есть интернациональное; и только национальность может противостоять национализму.

12.

Да: история национальности – это хроника вооруженной экспедиции, борьба за место под солнцем будущего.

Но обратим внимание, что эта задача национальности совпадает с задачей человечества; для чего же нужны условия внутренней состязательности в человечестве, как не для возделывания высшего, максимально одухотворенного человечества?

Империи и цивилизации смертны, как человек; и только положительный опыт национальной культуры вечен, как творение гения. Наши предки не строили больших городов и роскошных палаццо, но они дали миру образцы высокой, благородной рыцарской этики. И просвещенный мир знает нас и благодарен нам.

Ничто не провоцирует так националистические тенденции, как попытки нивелирования национальности, национальной идентичности. Достаточно было нам ликвидировать соответствующую графу в паспорте, и проблемы не заставили себя ждать.

«Российская идентичность» и даже «мировое гражданство» – это прекрасно, но космополитизм – опасная фикция, именно потому, что психология космополитизма базируется на отрицании почвы, на скептическом отношении к этнической культуре. Строки Коста Хетагурова «Весь мир – мой храм, любовь – моя святыня, вселенная – отечество мое» [14, с. 131] расценивались в определенную эпоху как космополитическая декларация; но сегодня очевидно, что космополит никогда не сформулировал бы такую мысль; это мог сделать только человек и поэт, глубоко укорененный в национальной культурной почве.

Сохранение национальной идентичности и культуры есть первый шаг к сохранению человечества.

Разговоры о новой литературе, которая смогла бы подняться над национальными ценностями, беспочвенны. Если творчество писателя не принадлежит к родной культуре и литературе, то это писатель вне национальности; а писатель вне национальности – нонсенс того же рода (и в перспективе столь же опасный), что и «террорист без национальности».

Математика не может быть национальной, а литература не может не быть национальной.

Утратив корни, перестав быть национальной, литература вместе с тем перестанет быть и литературой. Значительная часть современной словесности это удостоверяет. Корневая система этой литературы недоразвита, атрофирована, – в то время как крона болезненно пышна, и уже потому каждое новое поветрие, самый легкий ветерок новой литературной моды сметает эту «растительность» с лица земли.

А Толстой, Гамзатов и Гатуев стоят и будут стоять.

13.

Толстой писал, что не стилистическое и композиционное мастерство, а нравственный взгляд на предмет является первым условием писателя и писательства [15, с. 117–118, 130].

Очевидно, это относится и к журналистам и репортерам. Тем более в условиях столь развитых СМИ, что каждое происшествие и событие мгновенно становится информационным достоянием миллионов современников. Ничто не может гарантировать нас от ужасных психических и поведенческих эпидемий и пандемий, кроме классического филологического образования и подготовки журналистских кадров.

Журналист и писатель без морали – весьма непредсказуемый субъект. Чистый профессионализм без совести (как «разума души») чреват опасными свойствами.

В начале 2000-х годов я имел честь преподавать в Новом гуманитарном университете Натальи Нестеровой на факультете журналистики.

Со студентами у меня часто завязывались дискуссии о значении морали в их будущей профессии. Тогда абсолютное большинство студентов открыто склонялось к признанию морали лишь как «факультативного», а иногда и вредного требования, говорило о нравственности как об идеализме, заведомо обреченном на поражение, и ставило на первый план сугубо профессиональные качества: мобильность, скорость реакции, владение материалом и языком. Сегодня, однако, мои бывшие студенты пишут мне письма, в которых признают, что глубоко заблуждались.

И эти письма радуют и внушают веру в завтрашний день.

14.

Литература – это тоже средство массовой информации и мощнейшая технология объединения: она заставляет миллионы людей смеяться или грустить по поводу одних и тех же обстоятельств. Литература нас «синхронизирует»; именно так она и служит нашему единению и взаимопониманию; именно так она становится формой сначала народного – потом всечеловеческого сознания.

Туристам, путешествующим по Средиземному морю, гиды показывают остров Иф и говорят: «Это, дамы и господа, тот самый остров, на котором томился в темнице граф Монте-Кристо». Волей-неволей мы оперируем в своем сознании категориями вымышленных, воссозданных или домысленных миров – вот что такое форма общественного сознания. Граф Монте-Кристо, Раскольников, Фауст и теперь владеют умами и чувствами человечества; они, в известном смысле, живее многих живых.

Сегодня многим кажется, что им не нужна литература; но это иллюзия, ибо даже для того чтобы отрицать значение литературы, нужно хотя бы минимальное литературное образование.

Впрочем, иллюзия эта не безобидна: истинно слеп тот, кто не хочет видеть.

15.

Отсюда, повторяю, и значение филологических наук. Если язык и литература – летопись духовной истории человека, то филология – орган осмысления опыта этой духовной истории.

Отношением к филологии как к «праздной», оторванной от реальной жизни науке объясняется то, что раньше в филологию шли все, кому не лень, а теперь не идет почти никто.

Следует нам, филологам, помимо многих других задач, серьезней отнестись к деятельности аспирантур, докторантур и диссертационных советов. Во многих наших неурядицах мы, безусловно, виноваты сами.

В последнее время осетинская филология понесла большие утраты: ушли из жизни про-

фессор Ш.Ф. Джикаев, профессор М.И. Исаев, профессор Т.А. Хамицаева, профессор З.М. Салагаева, которые были прекрасными учеными и педагогами и воспитали не одно поколение научных работников. Надо потрудиться для того, чтобы уровень нашей науки не упал: только так мы отдадим должное их светлой памяти.

Во всяком случае, надо позаботиться о том, чтобы не канули в лету их архивы, и, будь на то необходимость, издавать их неопубликованные труды, по примеру того, как в настоящее время ОКАЮО готовится к печати большая монография покойного югоосетинского профессора, доктора философских наук С.Ш. Габараева.

16.

Осетинская литература всегда была национальной, но никогда – националистической: Кануков, Кундухов, Хетагуров, Цаголов, Гатуев, Цаликов, Мугуев, Уруймагова – все писали о других горских народах талантливо, проникновенно, с любовью и уважением. Благодаря им создано единое культурное пространство, которое нельзя дать разрушить ни религиозным шовинистам, ни амбициозным политикам.

Мы все более или менее регулярно печатаемся; но надо помнить и о наших подлинно золотых запасниках и архивах. Надо переиздавать и издавать – не забывая, кстати, и о рекламе (если уж мы живем на рынке) – никогда не издававшиеся сочинения Гассиева, Мугуева, Цаголова, Валаева, Дзасохова. Так, в настоящее время фондом профессора З.М. Хаданова и издательством «Респект» уже подготовлено к печати 5-е издание исторического романа Хаджи-Мурата Мугуева «Буйный Терек», а издательством «Проект-Пресс» – сочинения Гуго Дзасохова¹.

Большой почин сделан в советское время сотрудниками СОИГСИ, в частности профессором З.Н. Суменовой; но ушла и она, успев издать только первый том собрания сочинений Георгия Цаголова, и наш корифей остался лежать в архивах. Коста велик, он первый; но мы иногда ведем себя так, словно он был и последний.

17.

Да, литература не может быть (как форма общественного сознания, как орган культурного диалога и обмена) препятствием интеграции. Но практический опыт литературной истории показывает, что это случается. Причины очевидны: невежество или неловкость интерпретаторов, недобросовестность исследователей, личные амбиции политических стратегов и тактиков. Примеров в истории множество, от больших, мирового значения, до малых, регионального. Это и понятно: каждому хочется иметь в ряду своих сторонников Ницше, Горького или Хетагурова.

¹К настоящему времени обе книги вышли из печати.

Конечно, бывают и ангажированные писатели и тенденциозные произведения (вероятно, случается это и у нас, на Кавказе, и случается и по сей день); но для этого и есть филологические науки: мы должны давать оценку, а если надо – то и разоблачать.

Оптимизации литературно-критического процесса здесь, в республиках Северного Кавказа, послужило бы создание при ВНЦ «Гуманитарного» или «Филологического Вестника Юга России», который помог бы нам лучше слышать друг друга, учиться друг у друга.

18.

Новая эпоха бросает нам вызовы – опасные, провокационные, и связаны они с процессами глобализации и сопутствующими им технологиями – коммерческими, медийными, политическими. В чем состоит сущность глобализации в контексте духовной истории человечества и Европы? Что значит глобализация для современной России и ее национальных окраин? Как переживаются процессы глобализации в быденном и литературном сознании? Какова культурная реакция на либертарианские посулы? Как соотносятся ценности традиционных национальных культур с культурами потребительского общества?

Решение этих вопросов – наша историческая миссия. Наша потому, во-первых, что это сугубо гуманитарные аспекты бытия, во-вторых, потому, что мы представляем психологию и науку «лимифрофа», пограничной зоны, где все проблемы проступают наиболее явственно. Только мы можем поставить под сомнение и оспорить объективность той картины мира, которая открывается наблюдателю из бойниц цитадели политического могущества и идеологической гегемонии, как раз и порождающей и навязывающей всему миру идеи модернизации, неолиберализма и сомнительных политических технологий.

Но победитель слеп; он ослеплен собственной победой; все мы являемся свидетелями его

слепоты. У нас есть преимущество погранично-го видения.

19.

Что важнейшие духовные процессы сегодня происходят на окраинах нашего государства, хорошо отражено в литературном процессе.

Литературные журналы метрополии в определенном упадке (к этому привела их элитарная «клубуарность»); периферийные же на подъеме, и благодаря им традиции русской и российской литератур положительно развиваются. Издаваемый Русланом Тотровым журнал «Дарьял» стал трибуной для всех горских русскоязычных писателей. Красноярский литературный журнал для семейного чтения (!) «День и Ночь», возглавляемый Мариной Саввиных, становится одним из самых читаемых в России периодических изданий.

Примеров честной, бескорыстной и полезной работы много; но еще большая работа нам предстоит, – а значит, конец мира, даже несмотря на обезличенную технологичность нашей жизни, отменяется.

РЕЗЮМЕ

Глобализация объективна. Надо это признать. Противиться ей нелепо. «Послушных рок ведет, строптивых – гонит». Но мы можем сделать глобализацию органичным, доброкачественным процессом, при котором, как учил В. Соловьев, «народы не теряют своего национального характера, но освобождаются от национального эгоизма» [16, с. 304].

Теперь собирается не только Евразия, но и вся Земля. Нам некуда отступать: планета – наша последняя ойкумена; плохо, если планетарное сознание будет отягощено химерами потребительской психологии или зиждиться всецело на глянцевах журналах, поп-музыке и хот-догах.

Осетию до сих пор называют «форпостом Российской империи» на Кавказе; но это уже мало льстит гуманитарному сознанию; хочется, чтобы вся Россия была форпостом культурной традиции и здравого смысла и никогда – полигоном одиозных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Марк Туллий Цицерон.** Об ораторе // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. – Москва: Наука, 1972.
2. **Кьеркегор С.** Или – или. – М.: Амфора, 2011.
3. **Ремарк Э.-М.** Триумфальная арка. – М.: Аст, 1999.
4. **Вознесенский А.А.** Оза // Вознесенский А.А. Собр. соч.: В 3 Т. – М.: Художественная литература, 1983. Т. 3.
5. **Галазов А.А.** Культура, вперед! // Дарьял, 2010. № 4.
6. **Солоухин В.А.** Камешки на ладони. – М.: Молодая гвардия, 1982.
7. **Легасов В.А.** Из Сегодня – в Завтра. – М.: Аврора, 1996.
8. **Автономова Н.С.** Клод Леви-Стросс - in memoriam: уроки структурной антропологии и гуманизм XXI века // Вопросы философии. 02.09.2010. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=191&Itemid=52
9. **Фазиль Искандер.** Совесть – разум души // Мир Кавказа на рубеже столетий. – М.: Дружба народов, 2001.
10. **Гатуев Д.** Зелымхан. – Ростов-на-Дону: Севкавказ, 1926.
11. **Абаев В.И.** Понятие идеосемантики // Избранные труды. Общие и сравнительное языкознание. – Владикавказ: Ир, 1995.
12. **Герцен А.И.** Русский народ и социализм // Герцен А.И. Полн. собр. соч.: В 30 Т. – М.: Наука, 1956. Т. 7. С. 330.
13. **Абаев В.И.** Осетинский народный поэт Коста Хетагуров // Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. – Владикавказ: Ир, 1990.
14. **Хетагуров К.Л.** «Я не пророк...» // Полн. собр. соч.: В 5 Т. – Владикавказ: СОИГСИ, 1999. Т. 2.
15. **Толстой Л.Н.** Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана // Что такое искусство? – М.: Современник, 1985.
16. **Соловьев В.С.** Три речи в память Достоевского // Соч. в 2 Т. – М.: Мысль, 1990.